

Книжное обозрение

© 2001 г.

Е. Шульце, П. Тиллак, О. Долуд, С. Букин. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ И ПРЕДПРИЯТИЯХ РОССИИ И УКРАИНЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСОВ В НОВОСИБИРСКОЙ И ЖИТОМИРСКОЙ ОБЛАСТЯХ. ИНСТИТУТ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ДИСКУССИОННЫЙ ДОКЛАД № 18. Галле, 1999. 67 с. (на нем. яз.).

В процессе перехода от экономики советского административно-командного типа к рыночному хозяйству одной из самых сложных остается задача реформирования сельскохозяйственного производства. По мнению западных и многих российских исследователей, основополагающие предпосылки для перехода постсоциалистических стран Европы к экономике рыночного типа создает процесс приватизации в сельском хозяйстве и, прежде всего, введение частной собственности на землю.

В то время как в странах Центральной и Восточной Европы, примкнувших к Европейскому Союзу, достигнут существенный прогресс в этом направлении, страны СНГ демонстрируют инертность, неспособность коренным образом изменить отношения в деревне, сложившиеся в годы социализма.

Причины такого положения попытался изучить и осмыслить интернациональный коллектив ученых из Германии, России и Украины. Организацию и финансирование международного проекта взяли на себя Институт аграрного развития Центральной и Восточной Европы и Фонд публичного права (ФРГ). Внимание западных ученых к этой проблематике еще раз подтверждает, что трудности реформирования в странах СНГ не оставляют западных коллег равнодушными, они пытаются оказать помощь в поиске нужных решений. В свою очередь участие в проекте ученых России и Украины позволяет глубже осмыслить исторические корни и социально-психологические аспекты проблем крестьянства, которые не всегда понятны представителям западной цивилизации. Выбор таких довольно разнородных объектов, как сельхозпредприятия в Новосибирской и Житомирской областях, позволил ученым, во-первых, выявить наиболее общие и типичные для всех стран СНГ проблемы перехода; во-вторых, показать некоторые особенности, связанные с национальным характером русских и украинских крестьян.

Исследование показало, что в период реформ радикально изменились юридические нормы деятельности и, конечно, форма собственности в сельскохозяйственных предприятиях: вместо колхозов и совхозов теперь существуют акционерные общества, товарищества. Но организация труда, отношения между людьми остались во многом прежними. Основная масса сельских тружеников по-прежнему почти не участвует в управлении и распоряжении собственностью сельскохозяйственных предприятий, ощущая себя скорее наемными работниками, чем хозяевами. Безусловно выиграла от происходящих перемен сельская "номенклатура", для которой управление предприятием (теперь еще больше, чем в советское время) перерастает в право владения и распоряжения их собственностью.

Авторы констатируют, что реальные отношения собственности в современной деревне, когда за каждым членом коллектива закреплено право на пай в земельном и вещественном общем фонде, можно обозначить как "коллективно-разделенная собственность". Реальное право владения и распоряжения паем для отдельного крестьянина во многих важных аспектах ограничено. Коллективы стремятся различными способами не допустить выделения пая собственника из коллективной собственности. Такая ситуация очень напоминает советское время, когда, однажды вступив в колхоз, крестьянин вынужден был оставаться в нем практически навсегда.

Выхода из этой тупиковой ситуации современные российские и украинские реформаторы не нашли. Нельзя же считать таковым практиковавшееся долгое время назойливое пропагандирование фермерства, не закрепленное ни материальной помощью, ни юридическими мерами. Материалы доклада убедительно показывают, что подобный подход к

реформированию сельского хозяйства ничего хорошего не принес. Об этом свидетельствуют и результаты проведенных в Сибири и на Украине опросов, в которых крестьяне давали оценку своего материального положения в связи с происходящими реформами.

Большинство респондентов полагают, что за последние пять лет их материальное положение изменилось в худшую сторону. 34,9% опрошенных в Новосибирской области и 40% в Житомирской - считают, что их положение ухудшилось в целом; 24,2% сибирских крестьян и 31% украинских - отмечают даже существенное ухудшение. Улучшение своего материального положения ощутили только 10,7% респондентов в Сибири и 9% на Украине; не заметили каких-либо перемен 24,9% сибиряков и 16% украинцев; 4% респондентов в той и другой областях не дали ответа на поставленный вопрос. Таким образом более 3/4 сибирских и украинских крестьян полагают, что они ничего не выиграли от реформирования села. Эта оценка осуществлявшегося курса реформ заставляет задуматься о необходимости новых подходов.

О негативной оценке происходящих преобразований в деревне свидетельствуют и представления крестьян по поводу возможных перемен в их материальном положении в ближайшие 2-3 года. Не ожидают каких-либо изменений 30,9% сибиряков и 18% украинцев, соответственно 21,5% и 25% респондентов не смогли ответить на этот вопрос. Ухудшения в целом ожидают 19,5% сибирских крестьян и 6% украинских; при этом существенного ухудшения опасаются соответственно 10,1% и 13% опрошенных. Только небольшая часть сибиряков - 16,1% надеется на улучшение своего материального положения, украинские крестьяне оказались большими оптимистами: среди них надеются на лучшее 34%. Но и этот оптимизм скорее связан с особенностями национальной психологии, чем с реальными перспективами.

Полученные результаты весьма красноречивы: несмотря на различия в климатических, национальных и иных факторах общественное мнение сибирских и украинских крестьян практически единодушно в неприятии того пути реформ, который определялся тотальным отрицанием советского опыта и слепым следованием рецептам монетаристов.

Интересным представляется результат опросов сельских тружеников по вопросу продажи земли и реализации принципа частной собственности. Так, в Сибири из 181 респондента только 3 человека (1,6%) высказались за свободную продажу земли: 19,8% допускают ее, но при условии предотвращения спекулятивных продаж. Заставляет задуматься и тот факт, что из 142 респондентов, отрицающих принцип свободной продажи земли, 82 крестьянина считают, что земля должна быть общей собственностью населения деревни.

Результаты опросов крестьян на Украине показывают, что и у них идея создания семейного фермерского хозяйства на земельном участке, находящемся в частной собственности, не находит поддержки. Является ли такая позиция крестьян пережитком традиционной крестьянской морали или привычным взглядом, оставшимся в наследство от колхозов, или же это все-таки реальная оценка крестьянами современной ситуации - это авторам предстоит еще осмыслить.

Итак, выводы исследования не дают оснований для оптимизма: большинство крестьян не желает радикальных перемен в том укладе, который по существу унаследован почти в нетронутом виде от государственно-социалистической экономики. Пытаясь понять причины создавшегося положения, авторы рецензируемой работы обращаются к взглядам одного из "отцов шоковой терапии" Е. Гайдара. Будучи главой правительства России, Е. Гайдар во многом определил подобное развитие постсоветской деревни; украинские реформаторы следовали за российским курсом. В своих работах Е. Гайдар характеризовал ситуацию с земельным вопросом и положение постсоветского крестьянства как пережиток "азиатского способа производства", описанного К. Марксом. Соответственно главным направлением реформ стала ликвидация государственной собственности на землю и замена ее частной.

Однако материалы данного доклада дают основания предполагать, что это все же неадекватная оценка. Азиатский способ производства был основан не только на государственной собственности на землю, но и на совокупности индивидуальных крестьянских хозяйств, объединенных в общину. Напротив, в современной российской и украинской деревне мелкое семейное хозяйство оказывается неспособным к выживанию. Поэтому крестьяне интуитивно отдадут предпочтение крупному коллективному хозяйству, пусть даже сохраняющему многие негативные черты колхозов.

В. И. ИСАЕВ,
доктор исторических наук

СИСТЕМНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ВОСТОК-ЗАПАД В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. Под ред. Владислава Адамского, Яна Бунчака, Павла Махонина и Доминика Мартина. Варшава: Изд-во Института философии и социологии, 1999. 373 с.

SYSTEM CHANGE AND MODERNIZATION: EAST-WEST IN COMPARATIVE PERSPECTIVE. Ed. by Władysław W. Adamski, Jan Buncak, Pavel Machonin and Dominique Martin. Warsaw: IFiS Publishers, 1999. 373 p.

К десятилетию начала общественной трансформации в странах Центральной и Восточной Европы вышла серия разного рода итоговых исследований. Особое место среди них занимает данная книга - результат совместного труда социологов нескольких стран. На основе эмпирического анализа 1994-1997 гг. авторы монографии делают важные теоретические заключения о социально-структурных сдвигах и изменениях во взглядах и ориентациях основных групп общества, переживающего радикальные системные трансформации в результате революционных потрясений 1989 г.

Идея этого международного исследовательского проекта возникла в процессе сотрудничества французских и польских социологов, начавшегося в 80-е годы. В середине следующего десятилетия к нему присоединились чешские и словацкие специалисты. Сравнительный анализ общих черт и специфики социальной трансформации и модернизации трех стран бывшего восточного блока реализовался в виде труда, который можно считать первой серьезной работой по истории перехода "от социализма к капитализму". Авторами его оказались социологи поляк Владислав Адамский, чех Павел Махонин, словак Роберт Рошко (в этом ряду нет ушедшего из жизни венгра Рудольфа Андорки). Их ученики и последователи (Милан Тучек, Ян Бунчак, Войцех Заборовский и другие), статьи которых представлены в книге, составляют костяк академической социологии стран региона и изучают процессы "переходного периода", аналогичные с переживаемыми нами. Надо заметить, что бурные общественные коллизии второй половины XX в. — социалистические и демократические - непосредственно отразились на судьбах большинства перечисленных ученых старшего и среднего поколений, но не на профессиональном уровне и степени объективности их разработок.

Ключевая проблема данного исследования - генеральная для социальной науки стран региона: соотношение изменений общественной системы и динамики цивилизационных сдвигов. Тема "социализм и модернизация", к которой обращаются авторы книги (в первых главах), безусловно, одна из самых перспективных тем комплексного междисциплинарного исследования. Представлены различные подходы к ней. П. Махонин, в 60-е г. принадлежавший к демократической интеллигенции, которая обосновывала необходимость "специфического чехословацкого пути к социализму", конкретно-исторический опыт послевоенной модернизации изучает через сравнительный анализ ее хода в Чехии и Словакии. Речь идет об обществах с принципиально различными стартовыми характеристиками цивилизационного роста. Соответственно неадекватную оценку получают и два типа общественного развития - с доиндустриального (не только в Словакии, но и в большинстве других стран бывшей социалистической системы, кроме Чехии и ГДР) и индустриального уровней. С десятилетней дистанции П. Махонину представляется очевидным и несовершенство упрощенной модели либерально-демократического перехода, получившей хождение в странах посткоммунистического региона сразу после 1989 г.

С иных, называемых структурно-поколенческими, позиций анализирует процессы социально-культурной трансформации периода социализма В. Адамский. Он придает особое значение феномену генерации послевоенного "демографического эха" - объекту "образовательной экспансии". Речь идет о поколении с повышенными жизненными aspirationами, не соответствовавшими реальным возможностям госсocialизма (с. 65). Данная поколенческая группа явилась потенциальным носителем протестного настроения и поведения. В. Адамский, давно известный своими работами по социологии молодежи, первым уделил серьезное внимание поколенческому фактору общественных перемен, обращение к которому стало теперь популярным. Начало революционного процесса в Польше инициировало "поколение Солидарности": во время массовых выступлений 1980 г. ему было 25-35 лет. Правда, вряд ли данный поколенческий феномен можно считать характерным только для Польши. Он, несомненно, ярче проявился здесь по сравнению с Чехословакией (но не с Россией или,

например, Болгарией, которые остались за пределами исследовательского проекта). Действительно, Польша значительно опережала остальные страны региона по времени начала перемен. Специфический набор обстоятельств (влиятельная католическая церковь и частная собственность на землю, традиционно непримиримая интеллигенция и "бунтарский" рабочий класс) ускорил отход этой страны от соцсистемы. Так называемый польский общественно-политический кризис 80-х г. явился прообразом растянутой во времени на целое десятилетие серии бархатных революций. Анализ польского опыта системных преобразований в регионе интересен и с точки зрения глубины изученности его традиционно общепризнанной национальной социологией. Полученные ею в 80-е г. результаты позволяют создать целостное представление о революционном процессе, радикально изменившем облик Восточной Европы, ее геополитическое положение. Работы социологов Польши того десятилетия в полной мере еще не оценены и не освоены общественной мыслью. Возможно, именно на те годы приходится вершина данной социологической школы.

Результативность социологической науки в бывшей Чехословакии сейчас в сильной мере определяется продолжением тесного сотрудничества социологов двух республик. Многократно доказана плодотворность сравнительного анализа чешского и словацкого путей современного развития. Прекрасно осознают ее и сами авторы проекта. Несколько статей коллективной монографии по вопросам социальной мобильности и системных предпочтений 90-х г. написаны в соавторстве чешскими и словацкими авторами (М. Тучек с В. Гармадиовой и с Я. Бунчаком, Л. Гатнар с В. Бузиком).

Как и в случае социалистического этапа модернизации, когда модель индустриализации, по выражению П. Махонина, была импортирована Словакией из Советского Союза и Чехии, ее либеральный этап в западной части в прошлом единого государства осуществлялся более высокими темпами. К 1995 г. изменила свой социально-профессиональный статус треть чешского и пятая часть словацкого экономически активного населения (с. 98, 102). Правда, нынешнюю общественную трансформацию, как и переход к ней, в Чехии социологи называют "более мягкими" по сравнению и со Словакией, и с Польшей. В Чехии она потребовала меньше человеческой энергии для достижения тех же целей (с. 242). Речь, видимо, идет о том, что в кризисные периоды особенно отчетливо проявляются различия в менталитете народов, не только формирующие их отношение к происходящему, но и влияющие на сам ход событий. В Чехии дольше, чем в других странах региона (до конца 90-х годов), сохранялась массовая поддержка либеральных преобразований, позволявшая считать эту страну "оазисом реформ". Однако, как выясняется из книги, уже в 1995 г. и здесь фиксировались признаки надвигающегося разочарования и неудовлетворенности людей. Это привело к глубокому кризису правых сил в 1997-1998 гг. и росту ностальгии по "старым временам".

Наиболее привержено социалистической идее и общественной реальности прошлого в Польше оказалось крестьянство. Даже по сравнению с безработными. Польское крестьянство особенно пострадало в годы социалистической индустриализации, принеся ей большие человеческие жертвы; оно противостояло политике форсированной коллективизации. Сейчас эта социальная группа переживает второй за полвека трансформационный шок и настроена наиболее эгалитарно, консервативно и критически по отношению к новому строю.

Авторы книги представляют нам совершенно изменившийся за прошедшее десятилетие социально-политический ландшафт Центральной и Восточной Европы. Все больше теряет смысл понятие "рабочий класс". Движущая сила единственного в регионе организованного общественного движения периода бархатной революции - "Солидарности" - даже в Польше пережило процессы социальной деградации, маргинализации и внутренней дифференциации. Лишь относительно небольшая его часть интегрировалась в новый социально-экономический порядок. Любопытно, что, как показали исследования Х. Доманьского, в разряд частных предпринимателей в Польше чаще переходили те рабочие, которые относились к числу неквалифицированных (с. 335). Реальностью стала политическая нейтрализация этой прежде наиболее массовой группы восточноевропейского общества. Потенциальным барьером системной трансформации сейчас считаются не элиты, или политический истеблишмент, как в 80-е гг., а "молчаливое большинство", лишенное возможностей выражения своих групповых интересов. В регионе совершился переход от групповой политической к индивидуальной экономической активности населения (с. 364).

Бизнесмен находится вне политики в восточноевропейском обществе. Интересно отметить, что популярность частнопредпринимательской деятельности, как установили социологи, в традиционно наиболее протестном - польском - обществе и сейчас намного выше,

чем в чешском или словацком (с. 157). Еще раз подтвердилась закономерность, что польское общество отличается более высокой значимостью пролиберальных настроений для формирования массовой основы режима по сравнению с настроениями продемократическими. Последние в ходе бархатных революций и последующих реформ были важнее, например, для населения Чехии, которое предпочло консервативные стратегии выживания, прежде всего связанные с ограничением расходов, и жизнь по принципу "от добра добра не ищут". В Польше же широкое распространение получили предпринимательские жизненные стратегии, соответствующие большей нацеленности ее населения на достижение материальных целей, на поиск путей повышения уровня жизни (с. 243). Это (в той или иной мере присущее всем народам региона) стремление и явилось главным фактором как их революционного подъема, так и последующей политической нейтрализации и деидеологизации. Свидетельство тому - тот факт, что вера в собственника и неослабевающая мечта "работать на себя", "основать свой бизнес" сильнее всего проявились в Польше именно у "поколения Солидарности".

Высокое и постоянно неудовлетворенное желание начать свой бизнес сочетается, по В. Адамскому, у его соотечественников с возмущением по поводу капиталистических порядков (с. 168). Свыше 80% респондентов в Польше 90-х г. принадлежали к числу сторонников контроля цен и полной занятости. При всей господствующей пока амбивалентности взглядов реально объективная опасность превращения восточноевропейских наций в нации мелких предпринимателей, или "лавочников" с исторически нехарактерным для народов региона приоритетом экономических стимулов жизни над культурными. Этот приоритет определял существование населения стран региона в прошедшее десятилетие, что пока еще не мешало выбору им для своих детей стратегии получения высшего образования (как решающей по важности).

Представленные в книге сравнительно-страновые материалы значительно расширяют существующие представления о переживаемых нами в последнее десятилетие процессах, наводят на новые размышления и даже опровергают устоявшиеся стереотипы общественного сознания. Так, фактические данные поставили под сомнение один из стереотипов "периода демократизации". Опровергается постулат о том, что интенсивность поддержки социально-ориентированного государства с авторитарной формой правления прямо пропорциональна количеству лет, прожитых в условиях социалистического режима. Как оказалось, не самые молодые, а рожденные в 1956-1965 гг. составляют отряд наиболее последовательных сторонников политического плюрализма и свободного рынка (с. 235). И это несмотря на то, что данная когорта объективно считается в целом "проигравшей" от радикальных общественных перемен (с. 75). Общий опыт участия данной генерации в событиях августа 1980 г. - на решающей стадии ее социализации - стал определяющим фактором формирования особой системы ее взглядов, отличной от взглядов смежных возрастных когорт. В этом смысле данный поколенческий феномен действительно является уникальным.

Общим для стран региона является стирание особенно глубоких в 50-е гг. различий между тремя основными социальными группами. На смену этим различиям пришла дифференциация восточноевропейского общества по показателям стиля жизни и ценностных ориентаций населения.

Авторы книги, по существу, заложили основы анализа узловых проблем современной истории родственной нам группы в большинстве своем славянских народов. Важнейший вывод сделан П. Махониным. Он состоит в доказанной практикой необходимости выхода за пределы политологического анализа с его упрощенными схемами и обращения к широкому спектру историко-культурных факторов - фундамента всех "общественных переходов". Что же касается подзаголовка книги "Восток-Запад в сравнительной перспективе", эта тема представлена в одной из шести ее глав конкретными проблемами модернизации предприятий Польши, Чехии и Франции. Тема "Восток-Восток", очевидно, открыла бы более широкие возможности сравнительного регионального анализа. Остается лишь надеяться на перспективу совместного изучения двух этапов трансформации и модернизации восточноевропейского общества с участием отечественных историков и социологов на базе, например, Института славяноведения РАН. Ресурс анализа нашего общего полувекового опыта остается пока практически неиспользованным.

Н.В. КОВОИЦЫНА,
доктор исторических наук